

Н сорокалетию со дня смерти А. П. Чехова

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ЧЕХОВ — ПАТРИОТ

Профессор С. БАЛУХАТЫЙ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Творчество великого художника-реалиста классической русской литературы Антона Павловича Чехова пользуется исключительной популярностью у советского читателя. Его сочинения непрерывно издаются новыми изданиями и имеют миллионные тиражи. Его рассказы и пьесы включены в школьные программы, ставятся в театре, инсценируются в кино. В наших газетных статьях нередко можно встретить ссылки на яркие образы, выразительную художественную речь, меткое слово, заимствованные из произведений Чехова. Глубокая правда образов, созданных Чеховым, и огромная обобщающая их сила служат непосредственно нашей социалистической эпохе, осуществлению её великих культурных задач, содействуя искоренению из нашего быта остатков старой психологии, старых навыков. Это видно из объективного факта использования образов Чехова в статьях В. И. Ленина и речах товарища И. В. Сталина.

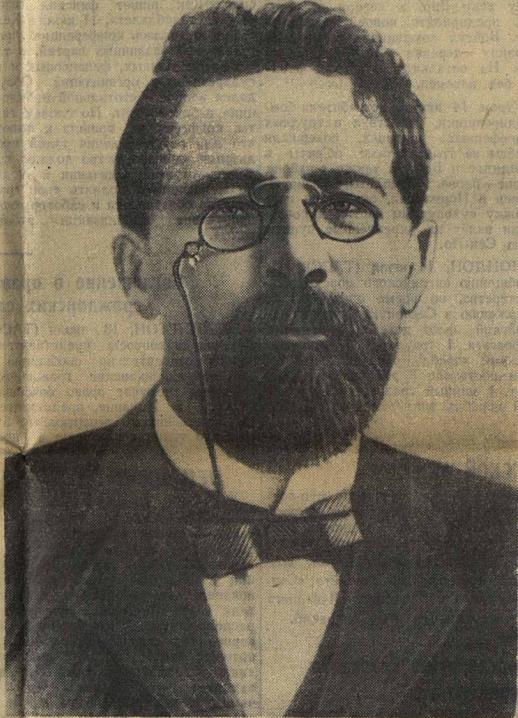
В чём же художественная сила Чехова? Когда-то А. М. Горький, горячий поклонник его таланта, справедливо сказал о нём: «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта в том, что он никогда не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете». Чехов, по слову Горького, «с такой беспощадной правдой нарисовал людям позорную и тусклую картину их жизни, в тусклом хаосе мешанины обобщений». Горький точно определил основные черты критического реализма Чехова.

Чехов это вымысел мешанины обобщающей, лживую, рабствующую жизнь, пошлость, глупость этой жизни. Чехов беспощадно заклеймил выть и клычатость беспринципных и беспринципных людей, но вёршился в свои силы и в возможность возрождения страны в самом ближайшем будущем, не уводящих человеческого личности, человеческого достоинства.

Чехов неустанно обличал хищническое лицо капитализма, его жестокая и беспощадная человекоеды. Свою острую и необычайную наблюдательность, свой большой трезвый ум Чехов направил на исследование социальных пороков своего времени и моральных искривлений в человеческих натурах. Его юмористические рассказы прежде всего обличали мелкого человека, обывателя, всего того, что мешает ему сделаться простым, внутренне свободным, гармоничным — человеком в настоящем смысле этого слова. Его бытовые рассказы отражают острую ненависть писателя к бытовому и моральным мерзостям жизни, к её проклятым социальным противоречиям. Сквозь юмор молодого Чехова всегда просвечивает трагическое самоощущение людей, заданных или искупанных жизнью. Его повести и пьесы дают широкие картины русской жизни, разных её классов, слоёв, групп, профессий и замечательную эпоху, когда сквозь кошмар политической и общественной реакции уже начали пробиваться ростки новой жизни, когда под влиянием растущего движения молодого революционного рабочего класса наступила пора широкого общественного оживления.

Чехов искренно и глубоко воспринял это движение как начало страстно ожидаемого им возрождения великой страны к славному будущему и призвал: «Главное — перевернуть жизнь, а всё остальное — неважно».

Он приветствовал грядущую революцию словами, сказанными одним из его персонажей в пьесе «Три сестры» накануне 1905 года и за 40 с лишним лет до сегодняшнего

Антон Павлович Чехов (1860—1904 гг.)

Образы Чехова в статьях и речах Ленина и Сталина

Чехов, наряду с Пушкиным, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Толстым и Горьким, принадлежал к числу писателей, которых особенно любил и ценил Ленин.

Владимир Ильич, внимательно изучавший современную ему русскую действительность, не раз обращался к художественным обобщениям и образам Антона Павловича Чехова.

Самое раннее из известных нам свидетельств о характере ленинского восприятия произведений Чехова относится к самарскому периоду. В воспоминаниях о жизни Ленина в Самаре зимой 1892—1893 гг. сестра Владимира Ильича А. И. Елизавета пишет:

«...Остался у меня в памяти разговор с Володиёй о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова: «Палата № 6». Говорю о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведённом им. — Володя вообще следил за всеми произведениями Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в «Палате № 6»».

И в последующие годы Ленин следил за новыми произведениями Чехова. Во многих статьях и речах Ленина использованы образы произведений Чехова. Ещё при жизни писателя, в 1901 году, в статье «Внутреннее обозрение» Ленин впервые упомянул «Человека в футляре». Этот образ «Человека в футляре» Ленин использует неоднократно.

Наиболее выразительна цитата Ленина из рассказа Чехова «Душечка». Разоблачая беспринципность Потресова (Старовера), Ленин писал: «Тов. Старовер очень похож на героиню Чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренёром и говорила: мы с Ванюшкой ставим серьёзные пьесы. Потом жила она с торговцем жеманом и говорила: мы с Васюшкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колятиной лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартьянова. «Мы с Мартьяновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?» Эта статья Ленина озаглавлена «Социал-демократическая душечка».

В произведениях Ленина встречается около двадцати цитат из Чехова. Эти цитаты свидетельствуют о том, что Чехов прочно вошёл в круг чтения Ленина.

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Занесённые снегом усадьбы,
Необъятность российских полей,
Поминная, крестный и свадьбы
И ночные шаги сторожей...

Захотелось уездной больницей...
Щиплют козы у почты траву...
Ругает деушкин в битву, в столицу,
К неизведанным далам, в Москву!

К персонажам Чехова также обращается товарищ И. В. Сталин. Так, например, в заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году уничтожающую характеристику правых оппозиционеров товарищ Сталин дал, прибегая к образу чеховского Белкина: «...бывшие лидеры правой оппозиции не понимают наших большевистских темпов, не верят в эти темпы и вообще не принимают ничего того, что выходит из рамок постепенного развития, из рамок самоотвержения... Они болеют той же болезнью, которой болен известный чеховский герой Белкин, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в кашолах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам кашоли и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?» — спрашивали Белкина. «На всякий случай», — отвечал Белкин, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда? Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую стоволовую, — у Белкина уже тревога: «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь стоволовую, но смотри, как бы чего не вышло». Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Белкин опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло?»...

Образ «унтера Пришибеева» — мелкого администратора и большого самолюбия — использован товарищем Сталиным в статье «Головоуражение от успехов» в марте 1930 года.

Товарищ Сталин вспоминает чеховского Пришибеева и в своём ответе тов. Иванову 12 февраля 1938 года:

«Что касается того, тов. Иванов, что Вас, оказывается, «сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле», то опасаться Вам этого не следует. Если люди из обкома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чеховскому унтеру-офицеру Пришибееву, можно не сомневаться, что они проигрывают на этом. В нашей стране не любят Пришибеевых».

6 ноября 1941 года в один из самых напряжённых моментов Отечественной войны товарищ Сталин назвал среди дорогих имён, которыми гордится русский народ, имя Антона Павловича Чехова.

В Сталинскую эпоху наследие Чехова стало достоянием не только народов нашей родины. Всё передовое человечество видит в Чехове великого русского художника.

В. МАНУЙЛОВ

Г. КРАСИЛЬЩИКОВА

СИЛА ЧЕХОВА

Илья ГРУЗДЕВ

Ранняя смерть Чехова явилась одной из самых тяжёлых, одной из самых горестных утрат русской литературы.

Писатель необычайной зоркости, необычайной широты наблюдения, он ещё в первом периоде своей деятельности в небольших юмористических рассказах создавал образы гениальной силы.

Писатель большой щедрости, он давал в ту пору до сотни рассказов в год, мастерству и блеску которых мы не перестаём изумляться и теперь.

Велик был его успех у читателей 80-х годов, видевших в его рассказах лишь весёлый смех и ещё не понимавших проны Чехова, его сарказма над кротким, мешанинным бытом, в котором погрязал этот буржуазно-мещанский читатель, жаждавший выселения.

А когда Чехов перешёл к большим рассказам и к повестям очень глубокого содержания, то и критика того времени далеко отстала от понимания смысла его произведений. Чехов опережал среду, в которой ему суждено было жить и работать.

Сам Чехов посвятил себя изучению русской жизни со страстью великого человека. Его работа врачом, земским деятелем, участником переписки, его строительство школы, почитательство в них и много других общественных дел — всё служило у него одной цели, и как ни была порой буднична эта работа, она давала ему огромный материал как писателю и человеку. Вне такого широкого общения с людьми он не мог жить и работать.

Он был оуреваем страстью как можно больше видеть, как можно больше знать. Он был непосреден, его всегда тянуло в поэзию, в путешествия. «Россия», — писал он, — необычайно красивая и обязательная страна. Донские степи, Украина, Подмосковье, Север, Волга — природа всех этих мест в равной степени наполняла его сердце гордостью и счастьем.

Но ему словно всегда было тесно. И как удивлены были его родные, друзья и знакомые, когда он объявил, что едет на Сахалин, на самый дальний край своей родины.

Поездка на Сахалин, через всю Сибирь, на лошадах, — железной дороги в то время ещё не было, — в весеннюю распутицу и покоем, туда, будучи самым жалостливым доктором врача и писателя.

«Многое я видел и много я пережил, и всё чрезвычайно интересно и ново для меня не как литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станицы, ямники, дикая природа... всё вместе взятое так хорошо, что и опитать не могу... Первый месяц ежедневно я видел восход солнца от ночи и до конца».

В этом горячем и широком восприятии мира и родины — обязательная черта Чехова. Родные своей, необычайно красивой и обязательной стране, он был предан беспредельно, был влюблён в неё, глубоко верил в её творческие силы.

С гордостью и любовью изображает Чехов русских людей с такими большими, ещё скрытыми силами: так тов. Ленинка из повести «Степь», предшественник горьковского Цыганка, так тов. Дымов из той же повести, «зорник и слепец». У него был такой вид, как будто он «обрадовался познать одной рукой, что-то очень тяжёлое и удивить этим все мир».

Примечательна фигура старика из повести «В овраге». Это — крайний дуб, которого не ломают никакие житейские бури, это голос самой русской земли.

«Велика матушка Россия! — сказал он и поглядел в обе стороны. — И во всей России был и всё в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь ходил, и на Амуре был, и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там пахал, сосучился потом по матушке России и назад вернулся в родную деревню... Вот и поминать не хочется, милая, ещё бы годочек двадцать пожить; значить, хорошего было больше. А велика матушка Россия!»

По Чехову никогда не прикрашивал людей, не прикрашивал и русской жизни. Назначение литературы, писал он, — «правда честная и безусловная», а литератор — «человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью».

Такому высокому пониманию литературы Чехов оставался верен всю жизнь. Он был жесточайшим врагом всякой лжи в искусстве, в критике, в общественной идеологии.

Либерально-буржуазная пресса немало потратила в своё время усилий, чтобы представить Чехова таким безобидным писателем, каким «левым сумерек» и тем ослабить его критику буржуазных основ жизни. Но дело в том, что Чехов был неуловимым и последовательным обличителем. Чехов, говорит Горький, «обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость, — искусством, которое доступно только человеку высоких гребований к жизни, которое создаётся лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила в нём жестокого и строгого судью».

Уже с ранних «осколочных» рассказов Чехов был врагом «сытого, обшегого гуся» — буржуа. Уже в первом периоде своей работы, полным блеска и грохота его шуток, он был обличителем строя, основанного на корыстных отношениях наживы и угнетения.

Вели Шедрин гениально наметил фигуру «чумазого» как воплощение русского «первоначального накопления», если Глеб Успенский сосредоточил своё внимание на актуальности крестьянского труда, то Чехов беспощадно обнаружил его во всех порках общественной жизни, основанной на пошлости отживших людей, эксплуатирующих голод, невежество и темноту.

И в произведениях Чехова была настойчивая нота, призывавшая к сопротивлению этому гнету дикой, пошлой, бессодержательной жизни под властью «чумазого» во всех его видах и формах.

Чехов велик не только как создатель своего стиля в русской литературе, имеющего широкое влияние и в мировой литературе, он велик и гениален в способе мышления, когда он с величайшим реализмом и с горячим убеждением воспроизводит русскую жизнь, в самых глубоких, психологических основах, обнажая мир хищничества, нищеты, лютости, лицемерия, лжи и рабщины, призывая к обновлению жизни, к освобождению творческих сил страны.

И такова была сила его гениального дара и его убеждений, что небольшой рассказ «Мужики» сделал эпоху в русской литературе, уничтожил в сознании читателей веру в реакционные утопии народников о святости общины, круговой поруки и прочих элементов крестьянской жизни, якобы спасающих, а на самом деле продолжавших держать деревню в состоянии полукрепостническом.

Такова была сила его гениального дара и его убеждений, что небольшой рассказ «Мужики» сделал эпоху в русской литературе, уничтожил в сознании читателей веру в реакционные утопии народников о святости общины, круговой поруки и прочих элементов крестьянской жизни, якобы спасающих, а на самом деле продолжавших держать деревню в состоянии полукрепостническом.

Такая же широкая и представительная чеховские места — в Москве, в освобождённой Ялте вновь открыт Чеховский музей

Такова была сила его гения, что совсем небольшой рассказ «Человек в футляре» принёс в русскую литературу одно из её величайших обобщений. Учитель греческого языка Белкин, которому в жизни попятно было только одно — запрещение — и который терроризировал весь город угрозами перед каждым шагом — «как бы чего не вышло», словно воплотил в себе мрачную силу мертвящего бюрократизма и гнетущего ханжества, сковывавших силы молодой России.

А рассказ «Палата № 6», в котором Чехов с такой силой воплотил всё удуше и ужас победоносцевской России, произвёл на современников потрясающее впечатление.

Так жить нельзя! — вот что с необыкновенной силой своего дарования внушал Чехов, и в этой пропаганде его великая историческая заслуга.

Годы 1898—1899 и последующие были началом сильнейшего революционного подъёма. Произведения Чехова, пропагандировавшие необходимость творческого обновления жизни, вселявшие ненависть к астойным формам, к застарелым мыслям и отношениям, к героям пошлости, лениности и безволия, содержали огромную взрывчатую силу.

Чехов, верный себе до конца, убеждённо изображавший только «правду честную и безусловную», изображавший людей во всей силе их падения, их бессилия, не ставил утверждающих политических целей, которые не были ясны ему самому, но его жизнереволюционный пафос, вид его творчества особой силой оптимизма, мечтой о человеческом счастье, которая так пленяет нас в произведениях Чехова.

И в последнем рассказе «Плюшка», написанном им незадолго до смерти, Чехов словно передаёт новым поколениям свою веру в обновление жизни:

«Надо ходить по саду, по улице, глядеть на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе всё давно уже состарилось, отжило и всё только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно наступит!».

Чехов в своих произведениях не ставил прямых утверждающих целей, но он утверждал отрицание, и сила его ненависти и презрения к отжившим формам жизни, сковывавшим творческие силы России, сила его мудрого знания ответственности и гениального воспроизведения её, сила любви к Родине и вера в её будущее сделала Чехова одним из самых любимых русских писателей.

На пороге двух эпох, в канун эпохи величайшей революции, его глубокий анализ русской жизни имели огромное историческое значение.

И в наши дни особое значение приобретает творчество памяти одного из величайших деятелей русской культуры, самое появление которого в ряду других наших гениев служит неопровержимым доказательством творческой мощи русской земли.

Полное собрание сочинений А. П. Чехова

По постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 26 апреля 1944 года начато издание первого полного научного собрания сочинений и писем великого русского писателя Антона Павловича Чехова. Это издание выходит под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР профессора С. Д. Балухатого, академика В. П. Потёмкина и председателя союза советских писателей Н. С. Тихонова. Издание рассчитано на 20—25 томов.

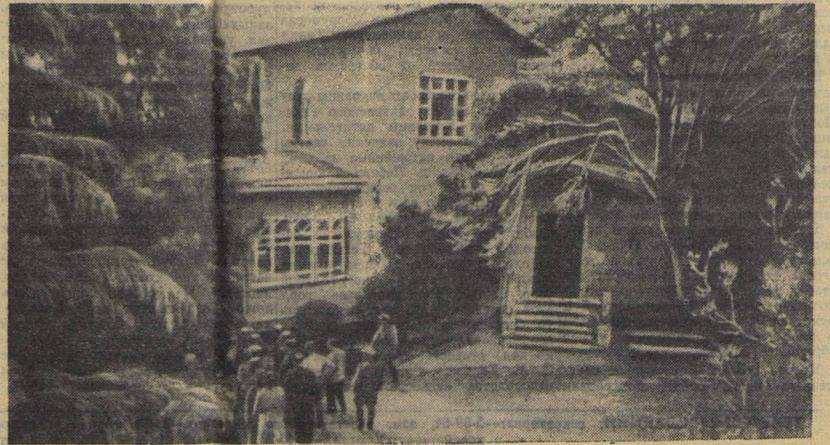
Новое издание ставит своей целью дать авторитетный по рукописному полному свод сочинений Чехова, включающий существенные текстовые варианты и историко-творческие комментарии. Оно будет состоять из двух серий. В первую войдут рассказы, повести, пьесы, фельетоны и статьи, исследование «Остров Сахалин», журнальные и газетные юмористические «мелочи» в виде анекдотов, подписей под рисунками, шуточных объявлений и т. п. Сюда же будут включены записные книжки и дневники. Во второй серии будут помещены все известные по автографам и печатным изданиям письма Чехова к частным лицам и учреждениям, а также его официальные заявления

в учреждения и организации, письма в редакции и пр.

Сочинения Чехова издаются в хронологическом порядке. Драматические произведения выделены особо. Все тексты сочинений и писем сверены по сохранившимся авторским изданиям и по возможным изданиям, не согласованным с Чеховым редакторских поправок.

Комментарии к изданию обширны. В них читатели найдут указание на источник, по которому печатается текст произведения, фактическую историю его написания, цензурную историю, сведения о современных произведениях критических высказываниях, о первых сценических постановках пьес и т. д.

Кардинальное отличие нового издания от всех предыдущих — в наличии в нём огромного эпистолярного наследия писателя. Письма Чехова, представляющие собой данные биографического порядка, рисующие богатейшую картину идейной, общественной, бытовой жизни эпохи 1880—1890—начала 1900 годов, дают и восторженный портрет Чехова — человека, писателя, критика, общественного деятеля, блестящего эстетиста. Эти письма давно уже заняли почётное место наряду с его сочинениями.

В освобождённой Ялте вновь открыт Чеховский музей

Фото Э. Евзеркина (ТАСС)